ПЁТР БОЛЬШАКОВ

СКАЗКИ НОВОГО ВРЕМЕНИ

ИВАН СОВСЕМ НЕ ДУРАК

Пётр Большаков

Иван совсем не дурак

«Автор»
2026

Большаков П.

Иван совсем не дурак / П. Большаков — «Автор», 2026

В деревне Заречье все уверены: Иван — дурак. Не пашет, не рубит дрова до седьмого пота — сидит на завалинке, смотрит на облака да вырезает из липы фигурки. А странное дело: местные бабы к нему идут и уходят успокоенными, а мужики ломают голову, почему жёны стали чаще улыбаться и реже скандалить. Ослеплённые ревностью, они решают проследить за «дураком» ночью — с последствиями, которые заставят смеяться даже царя-батюшку и приведут Ивана прямиком во дворец.«Иван совсем не дурак» — тёплая, ироничная история о человеке, который выбрал не бежать со всеми. Он не лечит травами и не читает проповедей — просто умеет видеть в людях то, что они сами давно потушили. Одно доброе слово, вовремя сказанное, способно творить чудеса. Книга о мудрости простых вещей, о мужской и женской душе и о счастье, которое всегда рядом.

© Большаков П., 2026
© Автор, 2026

Иван совсем не дурак

Цикл: «Сказки нового времени»

«ИВАН СОВСЕМ НЕ ДУРАК»

Книга первая.

ГЛАВА 1. ЗАВАЛИНКА

В деревне все знают: Иван — дурак.

Только глупости он не делает. От рожна не бегает, в прорубь головой не ныряет, на спор об угол не бьётся. Просто он не пашет. Не рубит дрова, когда не хочется. Не таскает мешки целыми днями. Не возвращается вечером с такой спиной, будто её переломили пополам.

Вместо этого Иван сидит на завалинке, смотрит на облака и иногда улыбается своим мыслям.

В руках у него нож. Старый, с потёртой деревянной рукоятью, которую он обмотал синей тряпицей, чтобы не скользила. Нож дедов. Лезвие короткое, сточенное с одного края, но острое — Иван точит его каждую субботу, привычка. Он привычно проводит большим пальцем по лезвию — проверяет, не затупилось ли. Палец скользит легко, почти не чувствуя металла. Хорошо.

В левой руке — чурка. Липовая, мягкая, пахнет мёдом и чем-то ещё, тёплым. Иван режет не глядя. Большой палец придерживает, нож идёт сам, стружка вьётся и падает на колени, на штаны, на доску завалинки. Белая, кудрявая, она пахнет так, что кажется — сейчас лето, даже если зима. А доска под ним пахнет пылью, нагретой солнцем, — сухой и затхлой.

Он вырезает птицу. Небольшую, с поднятым крылом. Крыло не получается — то слишком длинное, то слишком короткое. Иван откладывает чурку, смотрит на небо, потом снова берёт нож. Птица ждёт.

Деревня, где он живёт, называется Заречье. Название простое, как всё в этой деревне. Тут живут обычные люди: пашут, сеют, рожают, хоронят. По праздникам пьют. В будни работают. Жёны обижаются на мужей за то, что те молчат. Мужики обижаются на жён за то, что те пилят. Дети бегают грязные и счастливые. Собаки лают. Куры кудахтают.

Иван — единственный, кто не вписывается в этот порядок.

Иван не вписывается, но и не выпадает. Он как этот нож — вроде бы и в деревне, и не совсем. Люди идут мимо, а он сидит. Люди работают, а он режет. Но когда кто-то останавливается и говорит: «Вань, а что это ты?» — он не отвечает сразу. Сначала смотрит на облака. Долго. Будто выбирает слова. Потом поднимает голову и отвечает так, что человек уходит задумавшись. Не все. Но многие.

А нож деда тем временем идёт по дереву. Стружка падает. Птица потихоньку обретает крыло.

— Пропащий, — говорят мужики, качая головами. — Ни кола ни двора, а туда же — девкам улыбается.

— Чудак, — соглашаются бабы, но почему-то добавляют: — А глаза у него красивые.

Иван живёт в крайней избе, у самого леса. Изба досталась от деда, который тоже считался чудаком — вместо того чтобы поле пахать, он травы собирал да людей лечил. Дед умер тихо, во сне, оставив Ивану дом, сарай, завалинку и привычку смотреть на облака. Дед говорил: «Вань, не суетись. Люди сами всё испортят. Твоё дело — не мешать им, когда они исправляются». Иван запомнил.

От деда осталось немного: дом, сарай, завалинка, нож — и полка. Полка в избе, над столом, простая, из двух досок. На ней стоят фигурки. Дедовы. Старые, потёртые, некоторые с трещинами. Мужик с топором. Баба с коромыслом. Конь. Птица. И одна — незаконченная. Дед не успел. Иван не трогает её. Стоит, как стояла. Иногда берёт в руки. Вертит. Ставит обратно. Не трогает.

Свои фигурки Иван ставит рядом. Они хуже — кривые, неуклюжие. Но он их не выбрасывает. Пусть стоят. Дед говорил: «Кривое — тоже своё».

У Ивана есть огород за избой. Небольшой. Репа, капуста, морковь. Он сам его копает, сам пропалывает. Спина болит, руки в земле, но репа своя.

Завалинка старая. Доска под Иваном блестит — он натёр её штанами за столько лет, что дерево стало гладким, как стол в избе.

Берёза свисает ветками над завалинкой. Иван сидит в тени. Листья шумят, когда ветер есть.

Спина затекает. Он сидит с утра. Поёрзал, переложил ногу на ногу. Доска скрипнула будто обиделась. «Надо бы подстелить что-нибудь», — думает он. И не подстилает. Потому что вставать лень.

Иван не только сидит на завалинке. Он и рыбу ловит — на заре, когда вода тихая. И ягоды сушит — на солнце, на доске. И грибы солит — в бочонке, под навесом. И петли на зайцев ставит — в лесу, за оврагом. Просто он об этом не говорит. Зачем говорить? Дело делается — и ладно.

Фигурки он тоже не показывает. Ну, почти. Иногда дарит — детям. Мишке, Федьке, Алёнке, когда те прибегают. Или соседскому парнишке, который смотрит на него издалека, не решаясь подойти. Иван машет рукой: «Иди сюда». Парнишка подходит. Иван даёт ему птицу. Парнишка берёт, вертит в руках, уходит молча. Но на следующий день приходит снова.

Дерево — оно тёплое. Льняное масло, которым Иван натирает фигурки, пахнет чуть горько, но приятно. Он натирает их тряпицей, долго, пока дерево не начинает блестеть. Тогда фигурка становится как живая — тёплая, гладкая, своя.

Улица в Заречье кривая. Загибается так, что с одного края не видно другого. Любопытному — раздолье. А Ивану — везение: его завалинка стоит на изгибе. Видно всё. А его — нет.

В пять утра — подъём с петухами. Мужики идут мимо Ваниной избы на поле. Телега скрипит на ухабе, кто-то кашляет, вёдра звякают у колодца. Один говорит:

— Придумаешь ты. Совсем прибьёт.

Второй отвечает:

— Или хуже. Я знаю, что говорю.

Иван не открывает глаз. Он слышит это каждое утро.

У колодца ругаются две бабы — не поделили очередь. Старик Прохор тащит на плече мешок с репой, кряхтит, но не останавливается. Мальчишка гонит гусей прутом, гуси шипят, мальчишка смеётся.

Заречье живёт своей жизнью. Подъём в пять. Завтрак на скорую руку — что жена поставит. Поле до обеда. Обед в поле — хлеб с луком и вода из родника. Потом снова поле до вечера. Возвращение в сумерках — уставшие, грязные, злые. Ужин. И на жену сил уже не остаётся.

— Ты чего молчишь? — спрашивает жена.

— Устал, — отвечает муж.

— Я тоже устала. А ты со мной не разговариваешь.

— О чём разговаривать? Поле вспахал. Репу посадил. Забор починил. Что ещё?

— Не знаю. Просто поговори.

Муж вздыхает, отворачивается к стене и засыпает. Жена смотрит в потолок и думает: «Зачем я замуж выходила?»

Иван знает об этих разговорах. Он сидит на своей завалинке и слышит, как за закрытыми окнами женщины плачут, а мужчины молчат. Он знает, что можно сказать, чтобы всё изменить. Но он молчит. Потому что если сказать мужику, что его жена плачет не от того, что мало дров принёс, а от того, что он с ней не разговаривал три дня — мужик обидится. Назовёт тебя дураком. И пойдёт дальше дрова рубить.

Поэтому Иван молчит и смотрит на облака.

Он не знал, что скажет, когда они перестанут спрашивать. Но знал, что это будет скоро.

Утро начинается со скандала. Иван ещё не открыл глаз, а уже слышит голос Глафиры. Он несётся через всю улицу — звонкий, высокий, с надрывом:

— Я тебе кто?! Я тебе не прислуга, Еремей!

Иван приподнимается на локте. Изба кузнеца стоит напротив, через дорогу. Дверь распахивается так, что ручка бьётся о стену, и Глафира вылетает на улицу. Коромысло в руках качается, пустые вёдра звякают друг о друга. Цветастый платок на ней съехал набок, волосы лезут в глаза. Она сдувает их на ходу и не может.

Следом, спотыкаясь о порог, выбегает Еремей. Рубаха расстёгнута, волосы лохматые, лицо красное — то ли со сна, то ли со злости. В кулаке сжимает пустую кружку, мокрую.

— Ты куда? — орёт он. — А кто завтрак будет делать?!

Глафира не оборачивается. Идёт к колодцу чеканя шаг, коромысло покачивается, вёдра позвякивают.

— Сам делай! — кричит она через плечо.

Мужики, собравшиеся у плетня, смеются. Еремей сплёвывает, шагает назад, захлопывает дверь. За дверью что-то тяжело грохает — то ли табуретка, то ли кружка, которую он швырнул об стену.

Иван открывает глаза шире. Смотрит на небо. Облака стоят мягкие, пушистые, никуда не спешат. Розовые на восходе, с золотым подбоем — видно, день будет жаркий.

Потом переводит взгляд на Глафиру.

— Здорово, Глаша, — лениво говорит Иван, не отрывая глаз.

Глафира фыркает и проходит мимо. Но на полшага останавливается.

Она набирает воду, дёргая рукоять колодца так, что та скрипит на всю деревню. Скрип мерный, злой, как укус. Плечи у неё дрожат. Не от холода — от обиды.

Иван встаёт с завалинки, отряхивает штаны, поправляет рубаху и идёт к ней.

Нож он оставляет на завалинке. Втыкает в доску, как дед учил: «Не бросай где попало. Нож — он этого не любит». Птица остаётся лежать — недоделанная, с одним крылом.

Иван подходит к Глафире. Та стоит у колодца, вытирает глаза. Он смотрит на неё, потом на небо. Облака плывут.

Глафира слышит шаги, оборачивается. Увидела его, вытирает глаза тыльной стороной ладони. Глаза красные, нос распух, но она всё равно пытается держаться прямо.

— Чего пришёл? Зрелищ хочешь?

— Ты красивая, когда злишься, Глаш. А когда не злишься ещё красивей.

Она опешила.

— Чего?!

— Красивая, говорю. Только сейчас ты не злишься. Ты плачешь.

Она хочет сказать что-то резкое, но осекается. Губы дрожат. Закусывает их, чтобы не разрыдаться, и отворачивается к колодцу.

— Ты чего это меня Глашей зовёшь? — спрашивает она недовольно. — Я тебе не Глаша.

— А кто ты?

— Я Глафира.

— Ну, Глафира так Глафира, — легко соглашается Иван. — Только вчера вечером ты, когда из избы выходила, улыбалась мне. Я видел.

Глафира краснеет.

— Чего ты врёшь?

— Я не вру. — Иван хитро смотрит на неё. — Ты улыбалась, потому что муж тебе сказал что-то доброе? Или не сказал, а ты меня увидела? Я не знаю. Но улыбка была красивая.

Глафира замирает. Потом выдыхает и говорит уже тише:

— Дурак ты, Ванька.

— Знаю, — улыбается Иван. — Воды набери. Хороший день будет.

— И что с того?

— А то, что Еремей сейчас в избе грохот устроил, — говорит Иван. — И даже не понял, почему ты ушла. Он думает, из-за завтрака. А ты ушла, потому что он на тебя смотрит и не видит. Третий день, или третью неделю. Я заметил. А он — нет.

Глафира застывает. Ведро в её руках качается, расплёскивается вода, падает на землю тёмными пятнами.

— Откуда ты...

— Я на завалинке сижу. Я всё вижу. Иди домой, Глаш. Скажи ему прямо. Не про завтрак.

Она моргает. Молчит. Ставит ведро на землю, поправляет платок, проводит рукой по волосам, заправляет их под платок — и, не глядя на Ивана, тихо говорит:

— Дурак ты, Ванька.

— Знаю. Иди.

Она идёт. У крыльца останавливается, оборачивается:

— А если он опять...

— Приходи. Я придумаю что-то ещё. У меня сегодня ладный день — с утра почуял.

Глафира толкает дверь и скрывается в избе. Иван слышит, как за дверью становится тихо — сначала напряжённо, а потом голоса понижаются, переходят в шёпот. Никто не орал, ничего не грохнуло.

Иван возвращается на завалинку. Садится. Берёт птицу. Нож. Стружка снова летит на колени. Крыло потихоньку выправляется — не идеально, но лучше, чем было.

Он улыбается, но не той улыбкой, которой улыбается обычно, а другой — тихой, будто про себя. Он думает: «Хорошо. Одна баба не плачет. День идёт».

Птица в его руках становится всё больше похожа на птицу. Он натирает её маслом, и дерево блестит на солнце.

ГЛАВА 2. ЦВЕТЫ В КРУЖКЕ

Марфа просыпается затемно. За окном ещё серо, петухи только начинают свою перекличку, а ей уже надо топить печь, ставить тесто, умывать детей, доить козу. Муж Пётр в отъезде — ушёл с обозом в соседнее царство, вернётся не раньше чем через месяц, а может и ещё позже. Марфа осталась одна с тремя детьми и хозяйством, которое не прощает слабости.

Она справилась бы. Она всегда справляется. Но сегодня почему-то тяжелее обычного.

— Мам, я есть хочу, — говорит старший Мишка, свесив голову с печки.

— Сейчас, — отвечает Марфа, помешивая кашу. — Поспи ещё.

— Не хочу спать.

— Тогда помоги брата умыть.

Мишка кривится, но слезает. Младший Федька уже проснулся и сидит в углу, сонный и лохматый. Младшая Алёнка ещё спит, засунув палец в рот. От неё пахнет молоком — тёплым, детским, тем самым запахом, который Марфа помнит ещё с тех пор, когда сама была девчонкой.

Марфа вздыхает. Вчера она не успела сходить в лес — ягоды ждать не будут. Сегодня надо обязательно. Но с детьми не пойдёшь — старший убежит, младший заплачет, младшая вообще не умеет ходить. А оставить одних — опасно.

Она думает об этом, когда выходит за водой. Коромысло давит на плечи. Спина болит — вчера таскала мешки с мукой. Настроения нет никакого.

И тут она видит Ивана. Сидит на своей завалинке, как всегда. Рубаха льняная, босой, волосы русые, глаза серые. Смотрит на облака и улыбается.

В руках у него нож и чурка. Стружка лежит на коленях, на доске, даже на траве — белая, кудрявая. Он вырезает что-то маленькое, вертит в пальцах, сдувает стружку.

Марфа останавливается. Не её дело, кто где сидит. Идёт домой, к детям.

Иван сходил во двор по своим делам, зачерпнул воды ковшиком из ведра и вернулся на завалинку.

Не успел он сесть, как услышал топот. По дороге, растрёпанная и запыхавшаяся, бежала Марфа. Без платка, волосы распущены, лицо красное. На ней висели трое детей, как репейники: старший Мишка вцепился в подол, рубаха на нём задралась, пузо голое; средний Федька обхватил её шею, ногами болтал и орал; младшая Алёнка висела на правой руке, как куль, и тоже орала, но пронзительнее всех.

— Вань! — крикнула она ещё издалека, но вышло хрипло, будто не дышала. — Ты чего разлёгся на завалинке? Ваня! Помоги! Пожалуйста!

Иван широко открыл глаза и приготовился слушать.

Марфа останавливается перед Иваном, переводя дух. Мишка дёргает подол, Федька сползает с шеи, Алёнка завывает. Где-то сзади, за забором, кудахтает курица, спугнутая суетой.

— Марфуша, ты чего такая сердитая?

— Муж в отъезде, — выпаливает Марфа. — Коза сбежала, печь не топится, у меня руки отваливаются, а я ещё в лес по ягоды не сходила. Вань, посиди с ними. Я умоляю.

Иван смотрит на неё. Марфа ещё красивая — русые волосы, серые глаза, руки в мозолях. Пять лет замужем, а выглядит на десять лет старше. Тёмные круги под глазами, платок сбился, руки красные от воды.

— Полежать не даёшь, — заканчивает Иван.

Она переводит дыхание и поправляет Алёнку, которая уже почти соскользнула с руки. Алёнка визжит ещё громче.

Иван смотрит на детей. Те уставились на него с подозрением. Мишка перестал дёргать подол, насупился. Федька шмыгнул носом и замолчал на секунду. Алёнка продолжает заливаться, но уже не так громко — устала, видно, и показала ему язык. Мишка тянется к ножу на завалинке — просто потрогать, из любопытства. Иван быстро убирает нож, кладёт его подальше, за спину. Мишка не обижается — привык, что взрослые прячут от него острые штуки.

— Помогу, — говорит он. — Только скажи: когда ты улыбалась в последний раз?

Марфа опешила.

— Что?

— Когда улыбалась, говорю? Просто так, без причины.

Марфа отводит глаза. Смотрит на детей, на дорогу, на свои руки. Долго молчит. Потом говорит тихо:

— Когда... — она замялась. — Да когда мне улыбаться, Вань? Я одна с тремя детьми...

— Ну вот, — говорит Иван и садится. — А надо улыбаться. Детям — чтобы им весело было. Себе — чтобы сил было. Мне — чтобы я не уснул и тебе помог.

Марфа хочет сказать что-то резкое, но Иван уже встаёт, отряхивает штаны и берёт её за руку:

— Пошли, Марфуша. Посижу с твоими разбойниками, пока ты козу поймаешь, да ягоду наберёшь. А к вечеру ты мне пирожок принесёшь. С капустой. Договорились?

— Договорились, — растерянно говорит Марфа.

Они идут к её избе. Иван по пути находит ромашку, срывает и суёт Марфе в руку:

— Держи. Это аванс. Чтобы улыбалась чаще.

Марфа смотрит на цветок, потом на Ивана, потом снова на цветок. Хочет рассердиться, но не может. Улыбается. Вертит цветок в руках — тонкий стебель, белые лепестки, жёлтая серединка. Пахнет летом.

— Ах ты, прохиндей, — говорит она. — Я тебя прошу о помощи, а ты цветы даришь.

— Подарки, — поправляет Иван. — Они всегда поднимают настроение. Проверено.

Марфа смеётся.

— Разбойники, — говорит Иван серьёзно. — Ваша мать уходит по дело важное. Вы остаётесь под моим началом. Возражения есть?

Мишка хочет сказать, что он не разбойник, а Федька уже открыл рот, чтобы зареветь, но Иван быстро приседает на корточки, заглядывает им в глаза и говорит шёпотом:

— Слушайте мою затею. Надо мышь поймать. Она шпионка. Я видел, как она с воробьями сговорилась. Они хотят крупу стащить и вас без каши оставить.

Дети замолкают. Алёнка перестаёт плакать, икает и уставляется на Ивана большими мокрыми глазами. Стало так тихо, что слышно было, как сверчок в щели подпевает.

— А ты, дядя Ваня, кто будешь? — спрашивает Мишка, настороженно косясь.

— Главный сегодня до вечера, — серьёзно говорит Иван. — А теперь марш в избу. Будем крупу спасать и кашу варить.

Федька сползает с шеи, шлёпается на землю, встаёт и тянет Ивана за рукав:

— А каша с сахаром?

— С сахаром. И с изюмом.

Марфа смотрит на это с открытым ртом.

— Они же тебя съедят, — говорит она.

— Меня нельзя. Я несъедобный. Иди, Марфушка. Ягоды сами себя не соберут.

Марфа уходит, оглядываясь. Иван заводит детей в избу, но не сразу, а сперва даёт им задание: Мишке — искать мышь под лавкой и под полатями, Федьке — проверить печку, есть ли там дрова, Алёнке — следить, чтобы мышь к печи не пробралась и крупу не стащила. Дети сначала забегали, зашуршали, потом затихли.

До обеда Иван сидит с детьми. Марфины пацаны не шумят — Иван умеет с ними говорить. Не командовать, не строжиться, а просто говорить, как с равными.

— Мишка, — говорит он старшему. — Ты мужик?

— Мужик, — важно отвечает Мишка.

— Тогда помоги мне кашу мешать. А ты, Федька, следи за Алёнкой. Чтоб не упала.

— А ты, дядя Ваня, что будешь делать? — спрашивает Мишка.

— Я буду думать, — говорит Иван. — Это тоже работа, важная.

К вечеру Марфа возвращается с полным лукошком ягод. За верёвку ведёт козу за собой. Из трубы идёт дым, пахнет кашей. Дверь открывается — дети спят. Все трое. Мишка на лавке, свесив ногу, Федька на печке, уткнувшись носом в край, Алёнка — на старом тулупе у двери, свернувшись калачиком. Тишина. Только сверчок в щели подпевает.

На столе стоит глиняная кружка. В ней — полевые цветы. Ромашки, васильки, колокольчики. Иван сидит у окна, смотрит на облака.

Марфа застывает на пороге. Цветов ей никто никогда не дарил. Она берёт кружку, нюхает. Пахнет летом и пылью. И чем-то ещё — не понимает чем.

— Ты это... — начинает она и чувствует, что краснеет.

— Они сами выросли. Я их только сорвал.

Он не уходит. Стоит у двери, смотрит.

— Вань, погоди. Заходи ещё. Не только посидеть с детьми. Так... заходи. Чай попьём.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.